

О ТЕОРИИ ПРЕДМЕТОВ¹

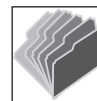
АЛЕКСИУС МАЙНОНГ

§ 1. Вопрос

Положение о том, что познание невозможно, если оно не является познанием чего-то, или, если представить это в более общем виде, суждение и представления невозможны, если они не являются суждениями и представлениями о чем-то, принадлежит к наиболее самоочевидным положениям, что выявляется при самом элементарном рассмотрении данных переживаний. По крайней мере, то, что в области предположений (*Annahmen*) (хотя они только недавно стали предметом психологических изысканий) дело обстоит именно так, а не иначе, мне удалось показать, почти не прибегая к специальному исследованию. В любом случае более запутанно в этом отношении дело обстоит с чувствами и желаниями. Что касается чувств, то здесь, по меньшей мере, сам язык указанием лишь на сами наши ощущения (например, радость, боль или же сочувствие, зависть и т.п.), несомненно, вводит нас до некоторой степени в заблуждение. Также и в случае с желаниями иногда полагают необходимым, вопреки имеющемуся и здесь совершенно однозначному свидетельству языка, принимать во внимание возможность существования таких желаний, в которых ничего не желается. Но даже тот, кто не согласился бы с моим мнением о том, что чувства и желания постольку являются несомостоятельными психическими фактами, поскольку их необходимой «психологической предпосылкой»² являются представления, не задумываясь признает, что мы радуемся чему-то, интересуемся чем-то,

¹ Перевод выполнен по изданию: *Meinong A. Über Gegenstandstheorie // Untersuchungen zur Gegenstandstheorie und Psychologie. Leipzig : Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1904. S. 1–50.*

² Ср. мою работу «Psychologisch-ethischen Untersuchungen zur Werttheorie». Graz, 1894. S. 34 и далее, а также Höfler, *Psychologie*. S. 389.

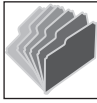

что мы, по крайней мере, в большинстве случаев не можем хотеть или желать без того, чтобы хотеть или желать чего-то. Одним словом, никто не станет отрицать, что психическому событию столь часто при-суща эта своеобразная «направленность на нечто», что, по меньшей мере, отсюда практически непосредственно следует необходимость предполагать в ней характерную особенность психического в его отношении к непсихическому.

Между тем задача нижеследующего изложения состоит вовсе не в том, чтобы объяснить, почему я считаю это предположение (несмотря на некоторые связанные с ним сложности) наиболее обоснованным. Случаи, когда эта отнесенность, т.е. выраженная направленность на это самое «нечто», или, говоря более естественно, на некоторый предмет, усматривается с совершенной несомненностью, столь многочисленны, что уже принимая во внимание лишь их одни, мы не можем оставить без ответа вопрос о том, какая, собственно, наука должна заняться разработкой этих предметов как таковых.

Распределение всего, что достойно и нуждается в теоретическом изучении по различным областям науки, и тщательное разграничение самих этих областей, вообще-то, с точки зрения возможного влияния на развитие этих исследований, имеет часто незначительное практическое значение. В конечном счете важен сам достигнутый результат, а не то, под каким флагом он был достигнут. Однако неясность в вопросе о границах различных областей науки может сказаться двояким (и притом противоположным) образом: либо области, в которых фактически происходит исследовательская работа, пересекутся друг с другом, либо они никак не будут связаны друг с другом, вследствие чего между ними возникнет область, не охваченная исследованием. Однако теоретическое значение такого рода неясностей прямо противоположно их практическому значению. В практическом отношении наличие такой «нейтральной зоны» является гарантией добрососедских отношений этих областей, что было бы желательно, но, к сожалению, редко реализуемо, в то время как пересечение границ представляет собой типичный случай конфликта интересов. Но в области теории, где для подобного рода конфликтов отсутствует по крайней мере какая бы то ни было правовая основа, накладывание (*Aufeinanderfallen*) друг на друга пограничных районов, которые вследствие этого оказываются исследуемыми с различных сторон, приносит, объективно говоря, даже пользу. А разделение (*Auseinanderfallen*) этих районов как раз, наоборот, всегда приносит ущерб, размер которого зависит, конечно, от размера и значимости самой «ничейной зоны».

Цель поднятого здесь вопроса заключается в том, чтобы указать на новую область науки, которая то ли просто не замечалась ранее, то ли по меньшей мере не была оценена по достоинству. Сам вопрос в свою очередь связан с поисками законного места для научного исследования предмета как такового в его всеобщности. В связи с этим нас

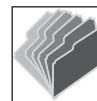

также интересуется, имеется ли среди различных областей знания, обладающих научным методом, определенная наука, в которой мы можем обнаружить или от которой, по крайней мере, мы можем требовать теоретическую трактовку предмета как такового.

§ 2. Предрассудок в пользу действительного

В ходе осуществленного выше изложения мы вовсе не случайно отталкивались от процесса познания, чтобы прийти к предмету. Конечно, не *только* процесс познания «имеет» свой предмет. Однако он имеет его совершенно особенным образом, благодаря чему всегда, когда речь заходит о предмете, в первую очередь начинают думать именно о предмете процесса познания. Дело в том, что психический процесс, который мы называем процессом познания, сам по себе, собственно говоря, еще не означает наличия состояния познания: познание представляет собой как бы двойной факт, в котором познаваемое противостоит познающему в качестве относительно самостоятельного явления. При этом акт познания не просто направлен на познаваемое так, как, например, ложное суждение направлено на свой предмет. Наоборот, в нем познаваемое к тому же еще схватывается и перерабатывается в психическом акте (здесь можно было бы подобрать и иные метафорические выражения, употребление которых неизбежно, если пытаться описать то, что не поддается описанию). Если теперь остановить свой взор только на этом предмете познания, то тогда только что поднятый вопрос относительно науки о предмете предстанет в менее выгодном свете. Наука о предмете процесса познания: означает ли это нечто большее, чем требование сделать то, что только что было признано предметом процесса познания, еще и предметом некоторой особой науки, и тем самым во второй раз предметом процесса познания? Другими словами, не ищем ли мы в таком случае некоторую науку, которая либо образуется совокупностью всех наук, либо еще раз должна была бы достичь того, что все традиционные науки совместно достигают и без этого?

Нужно остерегаться того, чтобы на основе этих соображений считать абсурдной идею о некоторой всеобщей науке, существующей наряду с отдельными науками. Ведь само постижение мирового целого в его сущности и в его предельных основаниях, рассматривавшееся самими выдающимися мыслителями всех времен в качестве последней и наиболее достойной цели их научных изысканий, может быть делом лишь одной всеохватывающей науки, существующей *наряду* с отдельными науками. В действительности, сама метафизика изначально задумывалась в качестве подобного рода науки. И хотя с именем метафизики было и еще будет связано много разочарований, вину за это несет

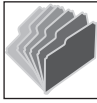

одна лишь наша интеллектуальная несостоятельность, а вовсе не идея самой этой науки. Однако можно ли на этом основании прийти до того, чтобы отрицать (весьма недальновидно) метафизику как науку, которая в качестве своей естественной задачи ставит исследование предмета как такового и соответственно предметов в их совокупности?

Если вспомнить о том, как метафизика с давних пор стремилась включить в область своих интересов далекое и близкое, малое и великое, то можно с удивлением отметить, что метафизика не может взять на себя только что сформулированную задачу. Она, несмотря на все свои достижения, не может стать наукой о предмете, так как ее исследованиям не хватает той универсальности, к которой она так отчаянно стремилась и которая таким образом стала для нее роковой. Метафизика, несомненно, должна иметь дело с совокупностью всего того, что существует. Однако совокупность всего того, что существует, включая также и все то, что существовало и будет существовать, все же бесконечно мала по сравнению с совокупностью предметов познания. Этот факт часто не замечают, поскольку присущий человеческой природе живой интерес к действительному приводит к тому, что люди преуменьшают значение недействительного. Недействительное трактуется как чистое ничто или, точнее, как нечто такое, что либо вообще не представляет интереса для познания, либо не заслуживает особого внимания.

Насколько данное мнение далеко от истины, легче всего видеть на примере идеальных предметов³, которые хотя и наличествуют (bestehen), однако ни в коей мере не существуют (existieren), а также ни в каком смысле не могут быть реальными. Тождество или различие, например, является предметом такого рода: оно при тех или иных обстоятельствах может иметь место в отношениях между различными действительными предметами, но само оно действительности не принадлежит. Однако то обстоятельство, что представление, так же как предположение и суждение, могут обращаться к этим предметам и даже в собственных рамках заниматься их изучением, конечно же, не может быть подвергнуто сомнению. Точно таким же образом число не может обладать собственным существованием в дополнение к существованию того, что им исчисляется, в случае, конечно, если это последнее существует. Это отчетливо видно из того факта, что мы можем также подсчитывать и то, что не существует. Точно так же и взаимосвязь не существует еще раз наряду с тем, что с ней взаимосвязано, в случае, конечно, если это последнее существует. Однако тот факт, что существование последнего не является абсолютно необходимым, доказывается, например, взаимосвязью между равносторонностью и равноугольностью треугольников. Кроме того, даже и в тех случаях,

³ О том смысле, в котором я употребляю выражение «идеальный», которое, к сожалению, в обыденной речи является многозначным, ср. мою работу: *Über Gegenstände höherer Ordnung etc.* // *Zeitschrift für Psychologie*. Bd. XXI. S. 198.

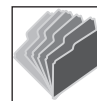

когда речь идет о существующем, например в случаях со строением воздуха и состоянием термометра или барометра, отношение взаимосвязанности соединяет в первую очередь не столько сами эти предметы действительности, сколько в гораздо большей степени их бытие или даже небытие. В процессе познания подобной взаимосвязи мы имеем дело уже с той своеобразной предметностью, которая, как, я надеюсь, мне удалось показать⁴, таким же образом соотносится с суждениями и предположениями, каким подлинный предмет соотносится с представлениями. Для этой предметности я предложил термин «объектив» («Objektiv») и пояснил, что сам этот объектив выполняет опять же функцию подлинного объекта. В частности, он может быть предметом нового суждения, а также иных интеллектуальных операций, которые направлены на него как на обычный объект. Когда я говорю: «истинно, что противоположности существуют», то истинность приписывается не противоположностям, а объективу «того, что противоположности существуют». Однако это существование противоположностей является фактом, который, как каждый тотчас заметит, может иметься в наличии, но не может быть в свою очередь еще одним (еще раз) существующим предметом. Это справедливо также и в отношении всех остальных объективов, так что каждый познавательный акт, имеющий объектив в качестве своего предмета, при этом представляет собой случай познания несуществующего.

Мы до сих пор останавливались лишь на отдельных примерах. Однако в нашу пользу может также свидетельствовать пример существования целой высокоразвитой (в действительности, пожалуй, наиболее развитой) науки – математики. Конечно, никто не осмелится сказать, что математика чужда действительности в том смысле, как если бы она не имела дела с тем, что существует: невозможно отрицать то, что за математикой закреплена обширная сфера применения как в практической жизни, так и в не меньшей степени в области теоретического исследования действительного. Однако чисто математическое познание ни в коем случае не оперирует чем-то таким, что непременно должно быть действительным. То бытие, которым должна заниматься математика как таковая, абсолютно не является существованием (Existenz); в этом отношении математика никогда не выходит за пределы наличия (Bestand): ведь прямая линия существует в столь же малой степени, как и прямой угол, правильный многоугольник – в столь же малой степени, как и круг. Однако то обстоятельство, что принятый в математике способ выражения совершенно явно обращается к существованию⁵, может все же быть отнесено на счет особен-

⁴ Über Annahmen. Kap. VII.

⁵ Ср.: Zindler K. Beiträge zur Theorie der mathematischen Erkenntnis, Sitzungsberichte der kais. Akademie der Wissenschaften in Wien. Philos. hist. Kl. Bd. CXVIII, 1989. S. 33, а также 53 и далее.

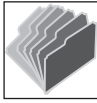
ностей именно этого способа выражения. Хотя математик и может активно пользоваться понятием «существование», но он сам несомненно признает, что скорее именно «возможность» является тем, что он требовал от предметов своего теоретического исследования. При этом «возможность» может употребляться в данном случае даже в самом что ни на есть позитивном смысле этого вообще-то чисто негативно характеризуемого понятия.

Эта принципиальная независимость математики от существования вместе с затронутым выше предрассудком в пользу познания действительности позволяет понять один факт, который без учета этих моментов мог бы справедливо считаться удивительным. Попытки построить общую систему наук в лице математики большей частью сталкиваются с затруднением, для преодоления которого они должны затем с большим или меньшим успехом искать более или менее искусственный выход из положения. По существу это находится в вопиющем противоречии с тем уважительным отношением, можно даже сказать, популярностью, которую математика благодаря своим достижениям приобрела даже в кругах неспециалистов. Тем не менее деление всего знания на естественные и гуманитарные науки, будучи выраженным в виде строгой дизъюнкции, принимает в расчет лишь то знание, которое имеет дело с действительностью. Так что если лучше присмотреться, то не удивителен тот факт, что математика никак не укладывается в эту классификацию.

§ 3. Так-бытие и небытие

Итак, не подлежит никакому сомнению, что нечто, являющееся предметом познания, никоим образом не должно только на этом основании существовать. Между тем на основании предыдущего изложения мы могли бы предположить, что не только *можно* заменять существование наличием, но также и *должно* это делать в тех случаях, когда существование отсутствует. Однако даже такое простое, ограниченное понимание является недопустимым. Это становится ясным, если сопоставить своеобразные функции суждения и допущения. Их различие я попробовал установить, в свою очередь сопоставив «тети-ческую и синтетическую функции» мышления⁶. В первом случае мышление охватывает бытие, во втором же – «так-бытие» (Sosein). В обоих случаях схватывается, естественно, некоторый объектив, который соответственно в первом случае может быть назван бытийствующим объективом (Seinsobjektiv), а во втором случае – объективом, бытийствующим в определенном качестве (Soseinsobjektiv). Та-

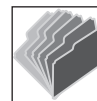
⁶ Über Annahmen. S. 142 и далее.

ким образом, утверждение о том, что мы не можем вести речь ни о каком так-бытии без допущения некоторого бытия, как раз соответствовало бы упомянутому выше предрассудку в пользу существования. В самом деле, не имело бы особого смысла называть некоторый дом большим или маленьким, некоторую область плодородной или неплодородной до того, как станет вообще известно то, что этот дом или эта земля существуют, существовали или же будут существовать. Однако указанная наука [математика], которая нам предоставила уже приведенные мной многочисленные контрпримеры против этого предрассудка, также позволяет нам установить, что и такого рода принцип является необоснованным. Так, насколько мы знаем, фигуры, которыми занимается геометрия, не существуют. Но все же мы имеем возможность выявить их свойства, т.е. их так-бытие. Без сомнения, в области того, что познается лишь апостериорно, утверждение о так-бытии никоим образом не может быть признано, если оно не основано на знании о некотором бытии. И точно так же так-бытие, за которым, так сказать, не стоит никакое бытие, вряд ли будет вызывать к себе какой-либо естественный интерес. Это все не отменяет тот факт, что на так-бытие некоторого предмета никак не влияет его небытие. Этот факт является настолько важным, что заслуживает того, чтобы быть ясно сформулированным в виде принципа независимости бытия от так-бытия⁷. И чтобы лучше понять, какова область распространения этого принципа, необходимо принять во внимание факт, что ему подчиняются не только предметы, которые не существуют фактически, но и предметы, которые не могут существовать, так как их существование в принципе невозможно. Не только пресловутая золотая гора состоит из одного золота, но также и круглый квадрат является точно так же круглым, как и четырехугольным. Конечно, вряд ли можно говорить о каких-либо значительных результатах в исследовании такого рода предметов. Тем не менее это исследование способно пролить некоторый свет на те области, изучение которых имеет для нас особое значение.

Все же чем ссылаться на такого рода странные для обыденного понимания примеры, лучше обойтись указанием на тривиальный, не выходящий за пределы области бытийствующих объективов факт, что любая сущность, не обладающая бытием, должна быть способна, по крайней мере, предоставить предмет для тех суждений, которые описывают ее небытие. При этом совершенно несущественно, является ли это небытие следствием невозможности существования того или иного предмета или просто следствием его фактического несуществования, точно так же как несущественно, проистекает ли невоз-

⁷ Впервые высказан Е. Малли в его удостоенном премии Вартингера 1903 г. трактате, который в полностью переработанном виде представлен в качестве третьей статьи настоящего сборника. Ср.: Там же. Кар. I. § 3.

возможность существования из сущности самого предмета или она является внешней по отношению к нему. Чтобы прийти к выводу о том, что круглого квадрата не существует, я, конечно же, должен сначала вынести суждение об этом круглом квадрате. Когда физика, физиология и психология в один голос говорят о так называемой идеальности чувственных качеств, то они тем самым уже что-то имплицитно утверждают как о цвете, так и о звуке, а именно, что первое, строго говоря, в столь же малой степени существует, как и второе. Для тех, кто предпочитает парадоксальный способ выражения, я мог бы представить эту мысль следующим образом: «имеются предметы, о которых было бы верно сказать, что предметов такого рода не существует». При этом общеизвестный факт, который подразумевает это выражение, столь ясно позволяет показать отношение предметов к действительности и к бытию вообще, что более пристальное изучение этого вопроса, имеющего само по себе фундаментальное значение, становится первоочередной задачей нашего исследования.

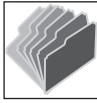
§ 4. Внебытие чистого предмета

Для того чтобы устранить парадокс, который здесь, по-видимому, действительно имеет место, можно вполне естественным образом обратиться к определенным психическим переживаниям. Я уже пытался изложить наиболее существенные положения на эту тему в другой работе⁸. Так, если взять только что упомянутую субъективность чувственных качеств, мы можем говорить о предмете представления синевы (Blauvorstellung) только в смысле способности к этому представлению, которому действительность, так сказать, не позволяет осуществиться. Если рассмотреть эту ситуацию с точки зрения представления, то тем самым, как мне кажется, мы способны выявить нечто важное для нашего исследования. Но сейчас я не могу скрывать от самого себя тот факт, что предмет, чтобы стать несуществующим, возможно, еще менее нуждается в том, чтобы быть представляемым, чем чтобы быть существующим. Далее, даже если на этот предмет можно было направить акт нашего познания, самое большее, что можно было бы вывести из его бытия представленным (Vorgestelltwerden), так это только один вид существования – «существование в представлении», или, конкретнее, «псевдосуществование»⁹. Точнее говоря, когда я утверждаю: «Синевы не существует», я при этом думаю именно о синеве, а вовсе не о некоем представлении и его возможных свойствах. Дело обстоит так, как если бы синева (das

⁸ Über Annahmen. S. 98 и далее.

⁹ Ср.: Über Gegenstände höherer Ordnung etc. Там же. S. 186 и далее.

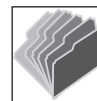

Blau) сначала уже должна была бы быть, прежде чем вообще можно было поставить вопрос о ее бытии или небытии. Однако дабы избежать новых парадоксов или же полной бессмыслицы, можно выразиться и иначе: синева, равно как и любой другой предмет, должна быть в известном смысле заранее дана, чтобы мы могли вынести решение относительно ее бытия или небытия, причем таким образом, который не противоречил бы ее [возможному] небытию. С психологической точки зрения это выглядело бы следующим образом: если я должен был бы вынести решение о том, что определенный предмет не существует, то, по-видимому, этот предмет должен был бы прежде всего некоторым образом передо мной быть, чтобы я мог высказать утверждение о его небытии, точнее, чтобы иметь возможность приписать ему небытие или отрицать его небытие.

Мы лишь можем надеяться с помощью следующих соображений на несколько более строгом теоретическом уровне воздать должное этому, несмотря на его обыденный характер, все же довольно своеобразному положению дел. Как я уже показал в другом месте¹⁰, то обстоятельство, что определенного *A* нет... короче, небытие этого *A* является в такой же степени объективом, как и бытие этого *A*. Насколько определенно я могу утверждать, что *A* нет, настолько же определенно объектив «небытие *A*» обладает бытием (точнее, как было отмечено выше, наличием). Теперь объектив (не важно, бытийствующий или небытийствующий) будет соотноситься со своим объектом как целое соотносится со своей частью, пусть даже *sum grano salis*¹¹. Раз уже целое обладает бытием, то им также должны обладать и его части. В случае с объективом это, по-видимому, означает следующее: если объектив обладает бытием (*ist*), то и соотносящийся с ним объект также должен в некотором смысле быть, даже в том случае, когда данный объектив является небытийствующим объективом. Но так как далее данный объектив как раз запрещает приписывать бытие нашему *A* (причем, бытие, как мы видели, при определенных обстоятельствах может быть проинтерпретировано не только в смысле существования, но и в смысле наличия), то требование бытия объекта, которое мы вывели из бытия небытийствующего объектива, имеет смысл, как кажется, лишь постольку, поскольку это бытие не является ни существованием, ни наличием. Иначе говоря, помимо этих двух уровней бытия – существования и наличия – нам нужен еще один, третий уровень. Таким образом, этим уровнем бытия должен будет обладать каждый предмет как таковой. С этим бытием не может быть соотнесено небытие такого же рода, так как небытие даже и в этом новом смысле тут же повлечет за собой аналогичные трудности, к каким приводит небытие в обычном смысле и для преодоления которых как раз и должна в первую очередь быть ис-

¹⁰ Über Annahmen. Kap. VII.

¹¹ С известной оговоркой, с осторожностью (лат. – *Прим. перев.*).

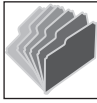
пользована новая концепция. Поэтому термин «квазибытие» одно время казался мне вполне подходящим для обозначения этого бытия, устроенного все же несколько своеобразно.

Однако это обозначение вместе с уже устоявшимися понятиями (вроде «псевдосуществования» и «квазитрансценденции»¹²) несет с собой опасность вызвать некоторую путаницу. Поэтому сейчас уже более существенными являются следующие соображения. Может ли бытие, с которым принципиально не соотносится никакое небытие, вообще называться бытием? Кроме того, поскольку нам дано такое бытие, которое не должно быть ни существованием, ни наличием, оно тем самым лучше всего позволяет сформулировать следующий постулат: не должны ли мы следить за тем, чтобы и впредь в нашем исследовании избегать такого рода бытия, где только это возможно? То соображение, которое вынуждало нас его принять, исходило из ясной и вполне объяснимой интуиции: прежде чем мы можем «схватить» небытие какого-то *A*, это *A*, как мы видели, должно быть некоторым образом уже нам «дано». Однако это приводит, как я уже показал в другом месте¹³, к допущению (*Annahme*) утвердительного качества: чтобы отрицать *A*, я должен сперва допустить бытие этого *A*. Тем самым я, конечно же, ссылаюсь на уже некоторым образом заданное бытие этого *A*. Однако данное допущение по самой своей сути направлено на такое бытие, которое само по себе вовсе не нуждается в том, чтобы быть.

Таким образом, было бы, несомненно, куда легче признать то, что это странное бытие небытийствующего (*Sein des Nichtseiendes*) является по сути таким же абсурдом, как и сама формулировка этого словосочетания. Такая точка зрения предполагала бы также и то, что некоторый бытийствующий объектив не может всегда требовать для себя бытийствующего объекта. Между тем это мнение основывается лишь на аналогии с отношениями части и целого. С этой точки зрения объектив рассматривается как определенного рода комплекс, а относящийся к нему объект – как определенного вида компонент. Во многих отношениях такой подход объясняется тем, что наше понимание природы объектива все еще остается весьма ограниченным. Тем не менее никто не станет отрицать, что эта аналогия в любом случае является лишь временным способом выхода из затруднения и что неправильным было бы воспринимать ее всерьез. Таким образом, вместо того чтобы выводить бытие объекта из бытия объектива даже на основании сомнительной аналогии, согласно которой объектив является объективом небытия, стоило бы на основании имеющихся у нас фактов сделать вывод о том, что эта аналогия неприменима к объективу небытия, т.е. что бытие объектива никоим образом не зависит от бытия объекта.

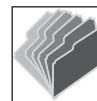
¹² Über Annahmen. S. 95.

¹³ Там же. S. 105 и далее.

На мой взгляд, такой подход говорит сам за себя и не требует при этом особых разъяснений. Если бытие и небытие в первую очередь могут относиться только к объективу, а не к объекту, тогда вполне очевидно, что ни бытие, ни небытие не могут сущностным образом относиться к предмету как таковому. Это, конечно, не означает, что какой-либо предмет может как ни быть, так и ни не быть. Также при этом нельзя сказать, что только чисто от природы каждого отдельного предмета зависит то, обладает он бытием или нет. Такой абсурдный предмет, как круглый квадрат, содержит в себе гарантию собственного небытия во всех смыслах. Идеальный же предмет, такой, как различие, содержит в себе гарантию лишь собственного несуществования. Любой, кто стремится следовать уже известным философским примерам, мог бы переформулировать приведенное выше утверждение, сказав, что предмет как таковой безотносительно его случайных особенностей и всегда присутствующей связи с объективом находится «по ту сторону бытия и небытия». С моей точки зрения, не столь привлекательно и куда менее претенциозно, но, тем не менее, точнее было бы сказать, что предмет по своей природе является внебытийственным (*außerseiend*), хотя из обоих его объективов бытия (его бытия и небытия) наличествует по крайней мере один.

Таким образом, то, что можно справедливо назвать принципом внебытия чистого предмета (*den Satz vom Außersein des reinen Gegenstandes*), окончательно устраняет видимость парадокса, который являлся непосредственным основанием для утверждения этого принципа. Поскольку ведь теперь известно, что бытие и небытие, за исключением особых случаев, в равной степени являются внешними по отношению к предмету, становится понятным, что в восприятии небытия предмета, если так можно выразиться, не может содержаться ничего более помимо того, что присутствует в его бытии. Упомянутый выше принцип независимости так-бытия от бытия в данном случае даже может некоторым образом дополнить эту точку зрения. Он гласит: то, что никоим образом не является внешним по отношению к предмету, но составляет его собственную сущность, наличествует в его так-бытии, которое присуще предмету вне зависимости от того, обладает он бытием или нет. В конце концов, теперь мы в состоянии с достаточной ясностью увидеть то, что же противостояло нам ранее в качестве предрассудка в пользу существования (или бытия) всех возможных предметов познания. А именно, бытие не является условием, на основании которого познание может найти свою точку приложения. Бытие само уже является такой точкой, равно как и небытие. Более того, уже в так-бытии каждого предмета познание находит поле для своей деятельности, к которому оно может иметь доступ, не отвечая при этом на вопрос о наличии бытия или, по крайней мере, не давая на него утвердительный ответ.

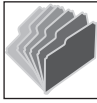

§ 5. Теория предметов как психология

Теперь мы знаем, что существующие предметы и предметы, обладающие бытием, составляют лишь небольшую часть общей совокупности предметов познания. В связи с этим мы теперь также понимаем, что всеобщую науку о действительном или о бытии вообще было бы неправильно рассматривать в качестве науки о предметах познания вообще. К тому же в предыдущих параграфах мы в принципе говорили только о предметах познания. Между тем, как мы уже обозначили в самом начале в формулировке самой проблемы, не только познание, но также и каждое суждение и представление имеет свой предмет, не говоря уже о наличии предметной сферы у внеинтеллектуальных переживаний. Это всеохватывающее значение предметности для психической жизни (или, как уже было вкратце замечено, ее отличительная характеристика) теперь может вполне подвести нас к мысли о том, что мы изначально пошли окольным путем, сосредоточившись исключительно на познании, хотя мы могли этого избежать. Между тем вполне естественно, что той науке следует заниматься предметами как таковыми, которая занимается предметностью. Эта задача, принимая во внимание то, что я уже неоднократно повторял, видимо, могла бы принадлежать психологии.

Во всяком случае следует признать, что само развитие психологии совершенно не противоречит такому пониманию ее задачи. Существует, например, психология звука или психология цвета, в которой такие задачи, как упорядочение разнообразных предметов в области ощущений и изучение их отличительной природы¹⁴, никоим образом не считаются менее значимыми. Также естественно, что наука о психических фактах включает в свое исследование изучение процессов, относящихся исключительно к области психического, в особенности изучение интеллектуальной деятельности сознания. Психология суждения выглядела бы довольно странно, если бы отказывалась принимать в расчет наличие способности, которая в свою очередь могла бы (при достаточно благоприятных обстоятельствах) путем выхода за пределы самой себя некоторым образом овладеть действительностью. За пределами действительности существует, с одной стороны, нечто, что может быть познано, и, с другой – нечто, что мы способны познавать при помощи определенных интеллектуальных операций. Поэтому и психология определенно не может отказаться от рассмотрения как самой этой познавательной способности, так и всего того, что находится вне действительности, на которое на-

¹⁴ Подробнее см. мою работу: *Bemerkungen über den Farbenkörper und das Mischungsgesetz. Zeitschrift für Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. Bd. XXXIII. S. 3 и далее.*

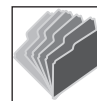
правлены характерные для этой способности виды исследовательских практик.

Следовательно, в этом отношении предметы суждения, предположения и представления, как и предметы чувства и желания, без сомнения, находят применение в психологии. Но любой может тотчас заметить, что эта наука принимает в свое рассмотрение эти предметы не ради их самих. На практике в рамках научного предприятия и вне его довольно-таки несущественным является то, что достижение одних целей является первоочередной задачей, а других – второстепенной. Например, для науки о Древнем мире определенно полезным является тот факт, что для интерпретации текста филологи пользуются указанием на «реалии». Однако при этом нельзя считать классическую науку о древнем мире классической филологией. В противном случае последняя могла бы с легкостью предъявлять свои требования различным дисциплинам, так как фактически изучение древних языков стало отправной точкой для развития разнообразных научных предприятий. Сходным образом и психологическое исследование может приносить плоды для соседних областей, так как те принадлежат к таким наукам, которые либо менее развиты, чем психология, либо еще не были формально признаны в качестве самостоятельных наук. Ничто яснее не подтверждает то обстоятельство, что то же самое касается и теоретической обработки предметов, чем то, что уже было сказано в приведенном примере с цветами, где исследование психологических фактов (*Sachverhalt*) без сомнения сначала привело к исследованию предметности, а именно исследованию отношений между цветами, постигаемого в категории пространства (*der Farbenkörper auf den Farbenraum*)¹⁵. Приведенная ссылка на языкознание уже в другом отношении позволяет продемонстрировать то, почему психология не может быть названа собственно наукой о предметах. Опираясь на значения слов и предложений¹⁶, языкознание также необходимым образом связано с предметами, а грамматика создала основу для теоретического схватывания предметов. Таким образом, однако, весьма не очевидна такая точка зрения, согласно которой психология должна потерять всякое преимущество в этом отношении. Скорее становится ясным, что ни одна из этих двух дисциплин не может быть искомым нами наукой о предметах.

После того как было показано, что науки о бытии вообще, включая также и ту, что должна заниматься всем действительным, не способны соответствовать задачам науки о предметах, было бы странно, если бы одна из этих наук неожиданно предоставила свою оценку этим задачам. Более того, можно точно определить ту часть целого царства предметов, которая даже при самых благоприятных обстоя-

¹⁵ Ср. там же, S. 11 и далее.

¹⁶ Ср. *Über Annahmen*, S. 271 и далее.

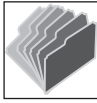

тельствах может стать предметом изучения психологии. Психология может заниматься только теми предметами, на которые фактически направлено некоторое психическое явление. Или, говоря короче, она может заниматься только теми предметами, которые действительно представлены, представления которых, таким образом, существуют и которые, следовательно, по крайней мере, существуют «в нашем представлении о них» или, говоря еще точнее, обладают псевдосуществованием¹⁷. Поэтому, как было отмечено, геометрическая схема, в которой представлены отношения между цветами (Farbenkörper) как некоторая абстрактная совокупность (Inbegriff) всех этих цветов, действительно существующих в восприятии и воображении людей, вполне может представлять интерес для психологии. Однако, строго говоря, даже это не совсем так, поскольку такого рода совокупность без влияния каких-либо процессов изменения (Veränderungsvorgänge) так же не способна составить континуум, как и простое множество точек¹⁸. Напротив, концепция цветового пространства (Konzeption des Farbenraumes) основывается лишь на природе соответствующих предметов и является, таким образом, хотя и абсолютно непсихологической, но, несомненно, относящейся к теории предметов (gegenstandstheoretisch). Возможно, на этом примере мы можем, не прибегая к каким-то особым соображениям, непосредственно проследить основное различие между теми точками зрения, что принимаются в одном и в другом случае.

Только одно соображение могло бы быть принято во внимание, которое способно стереть впечатление полного различия между психологией и теорией предметов или, по меньшей мере, сделать более достоверным тот факт (идуший вразрез с только что приведенной точкой зрения относительно цветов), что нам не может быть дан ни один предмет, который бы с необходимостью не принадлежал к области психологии в качестве предмета представления. Так, некоторые могут размышлять следующим образом: не важно, как мы можем ввести этот предмет в область теоретического рассмотрения; вместо этого мы должны прежде всего его просто схватить, а также иметь его в своем представлении. Однако в результате этих размышлений такой предмет будет входить в ряд псевдосуществующих предметов, а значит, также относиться к ведению психологии. Таким образом, если я думаю о белизне, которая является светлее, чем та, которую когда-либо видели или увидят человеческие глаза, то эта белизна все же является представленной белизной. В этом отношении вне зависимости от степени оформленности той или иной теории она все равно не может заниматься непредставленным предметом.

¹⁷ Über Gegenstände höherer Ordnung etc. Там же. S. 186 и далее.

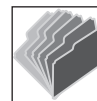
¹⁸ Ср. работу Э. Малли, которая является третьей в этом сборнике. Кар. I, § 15; Кар. III, § 20; Кар. IV, § 25.

Эта мысль в некоторой степени напоминает аргумент «идеалистов», который странным образом до сих пор все еще полностью не забыт. Этот аргумент гласит: если «esse» не обязательно должно быть «percipi», то во всяком случае оно должно быть «cogitari», так как никто не может помыслить «esse» без того, чтобы себе его помыслить. И, пожалуй, изложенные выше соображения скорее расходятся с их точкой зрения и намерениями, нежели соответствуют им. А именно, если, к примеру, уже упомянутая ультрабелизна, к которой обращена некоторая концепция, включается в область теоретического рассмотрения, то новые психические события, которые возникают вследствие этого, *могут* предоставить для психологии новое поле деятельности. Но это, безусловно, необязательно: как раз в приведенном примере никакого нового поля ждать не стоит, так как для такого рода предметов имеется уже множество родственных концепций. Однако такую возможность необходимо держать в уме, и если она однажды будет фактически реализована, то станет в особенности понятно, сколь в меньшей степени концепция ультрабелизны является частью собственно психологии. При помощи этой концепции теория предметов уже в некоторой степени завершила свою работу, психологии же еще только предстоит выполнить свою работу. Поэтому было бы довольно странно называть проделанную работу психологической.

§ 6. Теория предметов как теория предметов познания

Следовательно, то, что нам никоим образом не может дать психология, можно с куда большими шансами обнаружить там, где сама природа того, что мы исследуем, образована отчасти самими предметами. На основе сказанного выше вряд ли может быть подвергнуто сомнению, что в познании мы имеем перед собой такого рода факты. Познание – это не просто суждение, которое случайным образом оказывается истинным, а то, которое является таковым по своей природе, или, так сказать, изнутри. Однако суждение является истинным не в силу того, что оно имеет существующий или лишь бытийствующий предмет, а поскольку оно схватывает бытийствующий объектив. Утверждения о том, что имеются черные лебеди и не существует вечно-го двигателя, являются истинными, хотя первое оперирует существующим, а второе – несуществующим предметом. В первом случае в наличии имеется бытие, а во втором – небытие соответствующих предметов. Истина всегда связана с бытием этих объективов и вследствие этого частично является образованной ими. Суждение не будет истинным, если не будет существовать соответствующего ему объектива. Также оно не будет истинным, если образовано иначе и, следо-

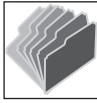
вательно, не соответствует фактам. Совпадение этого субъективного требования с объективным может быть при этом всецело и совершенно случайным, например в случае, когда истинное заключение выводится из ложных посылок.

Подобного рода случайный или внешний характер определенно чужд отношению между познанием и тем, что познается. Что касается познания, то оно таким образом относится к природе суждения, что не теряет своего стремления в отношении того, что познается. Эта особенность познания получает свое место в области психологических исследований путем введения того, что мы называем очевидностью (Evidenz). Однако очевидное суждение само по себе не образует факт познания. Вместо этого существенным является схватывание объекта в его отношении с объективом, а для этого обязательно бытие последнего. В этом отношении познание полностью схоже с суждением, которое является истинным *per accidens*. Поэтому можно уже в начале настоящего изложения назвать познание двойным фактом (Doppeltatsache). Тот, кто желает поближе познакомиться с этим двойным фактом с научной точки зрения, не должен ограничиваться лишь его психологическим аспектом. Он должен также принять во внимание (в качестве части той проблемы, что перед ним стоит) другую его сторону, а именно, обладающий бытием объектив и заключенный в нем объект.

Что касается нашего основного вопроса, то мы в определенной степени вернулись к исходной позиции, от которой отошли в предыдущих параграфах. Это произошло в связи с нашим заявлением, что предметы относятся не только к познанию, но также и к ложному суждению, к представлению и к абсолютно неинтеллектуальным психологическим процессам. Если мы пришли к выводу о том, что учение о предметах естественным образом подпадает под научное рассмотрение познания, то возникает следующий вопрос. Ограничивая наше исследование до уровня познания и, таким образом, исключая другие психические события, не теряем ли мы определенные виды предметов и не лишаемся ли той всеобщности, которая так необходима в работе с предметами?

Это сомнение является необоснованным. Чтобы в этом удостовериться, необходимо помимо всего знать то, в чем состоит характерное отличие между психологией и наукой о познании. Очевидно, что психология связана только с действительными психологическими событиями, а не просто с возможными. Наука о познании не может налагать на себя такого рода ограничения, так как знание имеет ценность как таковое и, следовательно, нечто, что *не есть*, но *может быть*, может привлечь к себе внимание как дезидерат (Desiderat) для познания. Соответственно в область предметов нашего научного знания входят не только все псевдосуществующие, равно как и все действительно представленные предметы или предметы суждения, но также и все предметы, которые являются предметами нашего познания

только в возможности. Однако нет ни одного предмета, который хотя бы в возможности не был предметом познания. Мы можем так сказать только в том случае, если принимаем странное положение о том, что способность к познанию не теряет свою силу из-за разного рода ограничений (таких, как пороги раздражения или пороги различения), которые, несмотря на это, на самом деле были заложены в субъекта с момента его образования и никогда полностью не исчезнут. Предполагая наличие разума (Intelligenz) с неограниченными возможностями, мы утверждаем, что нет ничего непознаваемого и соответственно все, что является познаваемым, *есть*. Однако поскольку о вещах, обладающих бытием, а также, в частности, существующих, предпочтительнее было бы сказать, что они «имеются» (es gibt), то, возможно, яснее можно было бы выразиться следующим образом: все, что познаваемо, нам дано, а именно, дано в познании. В этой степени все предметы являются познаваемыми. Данность (Gegebenheit) как наиболее общее свойство может быть присуща всем этим предметам без исключения вне зависимости от того, есть они или их нет.

Следствие этих размышлений для отношений предметов познания к предметам других психических операций нуждается в более ясном выведении. Безотносительно того, какие типы переживаний мы выберем в качестве наших предметов, все они без исключения будут предметами нашего познания. Вследствие этого тому, кто предпринимает научное рассмотрение предметов с точки зрения познания, не нужно бояться того, что он может таким образом исключить некую область предметов из их всеобщности.

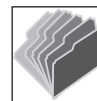
§ 7. Теория предметов как «чистая логика»

Согласно старой традиции, мы должны в первую очередь обращаться к логике, прежде чем переходить к научному рассмотрению познания. Однако в действительности подобного рода проблемы лишь недавно встали перед одним из важных разделов логики – так называемой чистой, или формальной, логикой¹⁹, положения которой, несомненно, согласуются с правильным пониманием того, что должно требоваться от теоретического рассмотрения предметов как таковых²⁰. Я уже выразил в другой работе²¹ полное одобрение предпринятой Э. Гуссерлем атаке на «психологизм» в логике. Однако в то время из-за внешних обстоятельств я смог лишь в более чем предваритель-

¹⁹ Ср.: Husserl E. Logische Untersuchungen. Bd. 2. Leipzig und Halle 1900 und 1901. Достаточно ясное определение «чистой» и «формальной» логики дано в Bd. I. S. 252.

²⁰ В частности, см.: Bd. I. S. 243 и далее, а также Bd. II. S. 92 и далее.

²¹ Über Annahmen. S. 196.

ной и неполной форме ознакомиться с огромной работой этого автора. Теперь, когда я после внимательного изучения воздал должное заслугам этой публикации, я могу полностью поддержать ранее высказанное мною мнение, а также согласиться с автором по поводу многих других «проблем». Однако я бы все же выразил небольшое несогласие и не стал бы относить все эти проблемы только к «чистой логике».

[...] Как я уже сказал, я полностью согласен с автором «Логических исследований» в том, что основной упор не должен делаться на психологии. Действительно, если взять основные понятия, к которым автор вновь и вновь возвращается в своей полемике против «психологизма», чтобы дать описание некой внепсихологической сферы знания, мне сложно избавиться от впечатления, что он не был полностью способен освободиться от того, против чего с таким рвением боролся, а именно, от истины (Recht). «Чистой логике» приходится иметь дело с «понятиями», «предложениями», «заключениями» и т.д. Но не являются ли понятия все теми же представлениями, которые лишь только могут быть использованы в теоретических целях, но все же остаются представлениями? Если навязчивому грамматическому значению слова «предложение» не уделяется должного внимания, как того явно требует, например, Больцано, то не останется ли без внимания также и сам психологический акт (предположения или суждения), выраженный этим грамматическим предложением? Или, говоря точнее, останется ли нечто, что может в свою очередь выдвигать требование к понятию «предложение»? Все же здесь имеется еще и некоторый внепсихологический смысл, в рамках которого (не без ощущения расширенного словоупотребления) мы можем говорить о «законе противоречия» или «законе Карно» и т.д.²² Как мне кажется, такой смысл также абсолютно не свойствен понятию «заклучение». [...]

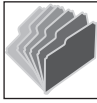
Противопоставление «объективных» выводов и доказательств субъективным²³ представляется скорее некоторого рода сокрытием настоящего положения вещей, нежели его прояснением. Но основное содержание «Логических исследований», как и некоторые другие частные положения, содержащиеся в нем, убеждает нас в том, что, несмотря на незначительные и на сегодняшний момент неизбежные различия, цель автора этого произведения совпадает с нашей. К этой цели он пришел после своих философско-математических изысканий²⁴, а также на основе принятия некоторых дистинкций, которые отчасти мнимы, отчасти действительно являются психологическими. Здесь я имею в виду, в частности, различение содержания и предмета²⁵, а так-

²² Здесь, конечно же, имеется в виду объектив. Ср.: Über Annahmen. S. 197.

²³ Logische Untersuchungen. Bd. II. S. 26, а также 94 и 101.

²⁴ Ср.: Там же. Предисловие к первому тому.

²⁵ Über Gegenstände höherer Ordnung etc. S. 185 и далее.

же в большей степени различие объекта и объектива²⁶. В данных обстоятельствах будет лучше, если я прерву свои размышления, которые и так были слишком завязаны на терминологии, и вместо этого вкратце попытаюсь показать то, как, с моей точки зрения, следует относиться к угрозе «психологизма», которая, несмотря на уделенное ей внимание, все же на данный момент не может быть полностью устранена.

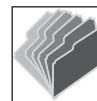
§ 8. Теория предметов как теория познания

Однако прежде чем начать, следует вывести очевидное практическое следствие из тех соображений, которые были высказаны по поводу выражения «чистая логика». Нет смысла придумывать имя для учения о знании, которое не ставит перед собой никаких практических целей и соответственно представляет теоретическую науку. Также нельзя и пожелать более простого и естественного его обозначения, чем такое название, как теория познания (*Theorie des Erkennens*) или эпистемология (*Erkenntnistheorie*). Поэтому я предпочту говорить о «теории познания», а не «чистой логике» и надеюсь показать, что вопрос о «психологизме» в теории познания тотчас возвращает нас к учению о предметах, в рамках которого ранее высказанные замечания могли показаться весьма отстраненными.

«Психологизм» как обозначение некоего естественного интеллектуального движения или образовавшегося в результате неких определенных рассуждений объединения, которое находит единственно возможным искать решения для проблем, прибегая только к средствам психологии, сам по себе не заслуживает порицания²⁷. Но в контексте некоторых проблем, включая также те из них, о которых мы уже говорили, само это слово не лишено негативной окраски. Однако то, что под этим понимается, является не чем иным, как неправильным применением психологического метода. Раз познание является опытом, то соответственно теория познания не может обойтись без психологического подхода. Она имеет дело с понятиями, предложениями (суждениями и предположениями), заключениями и т.д. И для работы с ними теория познания должна прибегать к психологии. Однако познанию всегда противостоит познаваемое. Как я уже не раз повторял, познание является двойным фактом. Кто упускает из

²⁶ Über Annahmen. S. 150 и далее.

²⁷ Достаточно объективное изложение фактов в работе Юбервега и Хайнце изменило мое мнение о собственной работе. Мою научную деятельность они разместили под общим заголовком «Психологизм» (*Grundriß der Geschichte der Philosophie*. 9 Aufl. 4 Teil, S. 312 и далее). Изложение того, в каком смысле я могу согласиться с данной характеристикой, см. в Über Annahmen. S. 196.

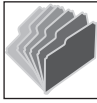
виду вторую сторону этого факта и, следовательно, обращается к теории познания, как если бы существовала лишь психологическая составляющая познания, или на этой стороне пытается навязать точку зрения психологических событий, тому точно не избежать упрека в психологизме.

[...] Предмет познания либо существует в действительности, либо только «в моем представлении», т.е. «псевдосуществует». Возможно, ничто не предоставляет более веского доказательства в пользу естественности этого различия, чем использование слова «идеальный». Если обратиться к современному его употреблению безотносительно к его историческому значению, то сегодня оно означает то же, что помысленный или просто представленный. Вследствие этого оно относится несомненно ко всем предметам, которые не существуют или не могут существовать. То, что существует не вне нас, как иногда думают, должно по крайней мере существовать в нас. И далее, считают, что такого рода предмет относится к ведению психологии и в конце концов приходят к убеждению, что познание всего существующего, как и познание реальности как таковой, может рассматриваться исключительно «с точки зрения психологии».

[...] Психология познания должна всегда составлять неотъемлемую часть теории познания. Единственное, от чего в данном случае следует себя ограждать, так это от понимания под психологией той части теории познания, которой является и должна оставаться теория предметов.

Если теория предметов познания или, говоря короче, теория предметов представлена как неотъемлемая составляющая теории познания²⁸, то ответ на исходный вопрос нашего обсуждения может быть легко найден. Единственным подлинным местом для изучения предметов как таковых, как могли бы мы тогда сказать, является теория познания. И на самом деле то же самое мы могли бы без особых изменений сказать о теории предметов. Чем яснее теория познания понимает свои задачи, тем более устойчивые позиции она занимает благодаря одной из своих основных составляющих, теории познаваемого, «данного» в упомянутом выше значении этого слова и, в конце концов, теории предметов во всей их всеобщности. Довольно часто теоретико-познавательные интересы будут вполне естественным образом готовить почву для интересов теории предметов. Все же, если я не ошибаюсь, мы должны сделать следующий шаг, если действительно отдаем должное тем притязаниям, которые теория предметов способна оправдать благодаря своей особой природе.

²⁸ Недавно свое согласие по этому вопросу выразил А. Гёфлер в работе „Zur gegenwärtigen Naturphilosophie“, что во втором томе „Abhandlungen zur Didaktik und Philosophie der Naturwissenschaft“ herausg. von F. Poske, A. Höfler und E. Grimsehl. Berlin, 1904. S. 151 (S. 91 в специальном выпуске).

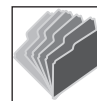
§ 9. Теория предметов как самостоятельная наука

Собственно, на этот факт уже указывает положение другой науки, которая, как и теория предметов, должна играть существенную роль в теории познания. Я имею в виду психологию. Как мы уже со всей ясностью поняли, не может быть такой теории познания, которая не обращается к акту познания и которая вследствие этого не является в некотором роде психологией познания. Однако никто бы не стал рассматривать значение психологии для теории познания в качестве достойной характеристики ее положения в системе наук и никто не станет рассматривать психологию как нечто большее, чем просто часть теории познания. Удовлетворит ли нас сходная характеристика, примененная к теории предметов?

[...] Я уже ранее обратил ваше внимание на тот факт, что математика могла и не получить столь подходящее для нее место в системе наук. Если я прав, столь неустойчивое положение математика заняла в связи с тем, что представление о теории предметов еще не было сформировано. Ведь в сущности математика является частью теории предметов. «В сущности» потому, чтобы оставить возможность для своеобразной дифференциации интересов математики, что я в свою очередь отношу к одному из упомянутых выше необъяснимых случаев²⁹. Помимо этого мне кажется вполне очевидным, что одновременно и внешние, и внутренние факторы позволили математике получить превосходство в своей сфере, в то время как теория предметов вынуждена (в качестве своей основной задачи) полностью выстраивать для себя всю область предметов или держать ее перед глазами как недостижимый идеал. [...]

Исходя из сказанного я делаю вывод о том, что теория предметов притязает на то, чтобы быть дисциплиной, независимой от теории познания и соответственно на то, чтобы быть независимой наукой. Это притязание не может стать свершившимся фактом, а пока что, наоборот, только-только начинает исполняться. При этом высокая степень развития одной из наук, составляющей часть теории предметов, создает внушительную внешнюю преграду для признания ее притязаний. Математик может, вероятно, быть возмущен предположением о том, что он «по сути дела» является предметным теоретиком (Gegenstandstheoretiker). Однако также никто не может требовать, чтобы физик или химик считал себя метафизиком, поскольку уже сформировавшаяся наука не может быть охарактеризована или обозначена в терминах науки, которая пока только стре-

²⁹ Начало работы по этой проблематике см. в сочинении Э. Малли, которое является третьим в данном сборнике.

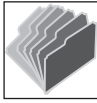
мится к формированию. Кроме того, относительно всеобщая наука как таковая может и должна ставить перед собой цели, которые являются чуждыми относительно специализированных наук. На этот второй пункт отношений математики к теории предметов часто не обращают внимания, так как в области теории предметов математика является собой не одну из нескольких, а по большому счету единственную известную и признанную специальную науку такого рода. Таким образом, перед теорией предметов стоит двойная задача, не равным образом относящаяся ко всем ее частям. С одной стороны, теория предметов сталкивается с проблемами, свойственными ей как науке с высочайшей степенью всеобщности и восприимчивости. С другой – она, как теория, стоящая в целой группе специальных наук, сталкивается с проблемами, которым до сих пор не было уделено специального исследования. Из-за этой необходимости время от времени задействовать себя в относительно специальных областях ее природа как всеобщей науки неизбежно предается забвению. Следовательно, включение математики в теорию предметов может угрожать тем, что она все равно будет выделяться и обладать своими притязаниями.

Однако такого рода случайные, несущественные факторы не должны стать препятствием для усмотрения естественной связи между этими двумя науками. Я имею в виду, что, несмотря ни на что, эта связь существует. Все же эту не самую простую ситуацию, на мой взгляд, лучше всего прояснить, сказав, что математика, безусловно, не является теорией предметов, а остается самостоятельной и полноправной наукой, наукой для себя. Но предметы математического анализа включены в общую область предметов, которая все же входит в ведение теории предметов.

§ 11. Философия и теория предметов

Я надеюсь, что смог доказать то, что теория предметов является самостоятельной наукой, независимой от прочих. Теперь же пришло время уделить внимание ее близким отношениям с этими науками. Другими словами, надо в некоторой степени определить место теории предметов в системе наук. Трудности, которые в данном случае необходимо устранить (например, такая трудность, как предоставление более или менее удовлетворительных определений соответствующих наук), никоим образом не должны быть отнесены исключительно на счет теории предметов или представленной здесь «идеи» этой теории. [...]

На этом основании будет трудно, особенно для того, кто хорошо знаком с одной из наук, объединенных под именем философии, при-

знать одну из них в качестве теории предметов³⁰. Теория предметов является также и философией, и вследствие этого единственный оставшийся вопрос касается ее отношений с другими «философскими дисциплинами». Но ответу на этот вопрос я уже уделил большую часть предыдущего изложения. Мною было установлено, что теория предметов не является психологией или логикой, а также доказано, почему это действительно так. Считаю, что мне удалось показать, что она также не зависит от теории познания. Тем не менее, как было вкратце обозначено, во всем этом я не вижу ничего нового и выдающегося. Тот факт, что невозможно работать в рамках теории познания, не обращаясь к теории предметов, или, по крайней мере, не используя наиболее важные открытия теории предметов, не подлежит сомнению³¹. Следовательно, если кто-то считает, что то, что было мною установлено, может быть обозначено только как теория познания, то его мнение вряд ли будет серьезно отличаться от моего.

[...] К сожалению, в случае с метафизикой понимание без обращения к определениям недостижимо. В связи с этим я позволю себе привести здесь предложение А. Гёфлера, которое поступило ко мне в то время, когда я занимался текущим исследованием. Основываясь на весьма оригинальной концепции Й. Бройера³², он предлагает охарактеризовать метафизику, назвав ее «метафеноменальной» наукой³³. Причина, по которой я не могу принять это предложение, в сущности, является той же причиной, по которой я долгие годы не могу решиться рассматривать «феномены» света, звука и т.д. таким же образом, как это делает физик, или рассматривать «психические феномены», как это делает психолог. Феномены как таковые являются все-таки классом (хотя и важным) псевдосуществующих предметов. В случае с псевдосуществованием действительно существуют только представления, которые всегда определены в своем отношении к содержанию (inhaltlich). Если, к примеру, говорить о физике (в целях простоты изложения), представления никогда не могут стать объектами физических исследований, как это показал сам же Гёфлер, приведя весьма убедительные аргументы³⁴. Феномен определенно не является феноменальным; явление не есть само являющееся, если под последним мы имеем в виду то, что познается через его явленность и чье существование выводится из факта явления. Я, естественно, не стану отрицать, что все, что таким образом явлено, входит в сферу интере-

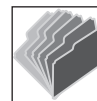
³⁰ Подробнее на эту тему см. мою работу „Über philosophische Wissenschaft und ihre Propädeutik. Kap. I. Также см. недавние исследования Гёфлера: Zur gegenwärtigen Naturphilosophie. Там же. S. 123 (63) и далее.

³¹ Ср. работу Гёфлера. Там же. S. 151 (91).

³² Об этом сообщается в приложении I уже упоминавшейся работы Гёфлера: Zur gegenwärtigen Naturphilosophie.

³³ Там же. S. 154 (94) и далее.

³⁴ Ср.: Zur gegenwärtigen Naturphilosophie, а в особенности S. 131 (71) и далее.

сов физики, но я не могу себе представить, как такого рода «феномены», которые, например, обнаруживаются после начала и конца явления некоторой вещи, могут быть исключены из области метафизики.

[...] Если, как мы можем предполагать, все, что существует в мире, является либо психическим, либо физическим, тогда метафизика, поскольку она связана со всем физическим, равно как и психическим, вообще является наукой о всем действительном (*von der Gesamtheit des Wirklichen*). В этом отношении, например, и основной тезис монизма, утверждающего сущностное тождество физического и психического, и тезис дуализма, постулирующего их сущностное различие, оказываются метафизическими. Однако тот, кто может говорить о том, что эти две вещи тождественны или различны, должен непременно что-то о них знать. Все же это его знание также связано с тождеством и/или различием, и тождество само по себе столь же далеко от бытия вещью, как и различие. И тождество, и различие находятся вне разделения на психическое и физическое, поскольку они вообще находятся вне действительности. Но ведь также существует знание о недействительном (*von Nichtwirklichem*). И вне зависимости от того, как широко метафизика понимает свои задачи, существуют более общие вопросы, которые в отличие от вопросов метафизики касаются не только действительности. И именно такого рода вопросами занимается теория предметов.

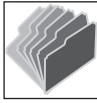
[...] Приведенная выше характеристика метафизики приводит нас к следующему ее определению: сведение понятия метафизики к всеобщей науке о действительности было бы желательно как для прояснения задач самой метафизики, так и для четкого ее отделения от теории предметов.

Пожалуй, нуждается в прояснении еще один пункт касательно этой темы. Если метафизика является всеобщей наукой о действительном, должны ли мы сказать, что теория предметов, наоборот, является всеобщей наукой о недействительном? Очевидно, что такое понимание было бы слишком узким. Почему действительные предметы должны быть исключены из ведения теории предметов? Или лучше было бы назвать теорию предметов теорией всего, что имеется в наличии (*von Bestehenden*), противопоставляя тем самым «наличие» и «существование»³⁵ таким образом, при котором наличествовало бы все существующее, но ничего имеющегося в наличии (например, различие) не существовало бы? Даже в этом случае, как мы уже убедились, область предметов, с которой работает теория предметов и в которую входит все, что не имеется в наличии, все абсурдное, не будет полностью устранена из научного рассмотрения. Хотя такого рода предметы не имеют особого значения с точки зрения естественного интереса и еще более они не интересны для интеллектуального понимания³⁶, они все же от-

³⁵ Über Gegenstände höherer Ordnung etc. S. 186.

³⁶ Ср. работу Э. Малли в № III этих исследований. Кар I. § 5 и далее.

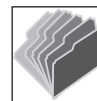

носятся ко всему «данному», и, следовательно, теория предметов никоим образом не может их игнорировать.

На все это можно сказать, что теория предметов занимается только всем данным, безотносительно к его бытию, а также ее занимает познание его так-бытия. И все же есть что-то, что мешает нам в установлении этого определения, и оно непосредственно связано с теорией предметов. Если теория предметов в качестве базового принципа заявляет независимость от бытия, то она должна тут же отказаться от своего притязания быть наукой, и тогда даже познание так-бытия будет невозможным. Как мы знаем, предмет познания абсолютно не обязательно должен обладать бытием. Однако в любом познании должен присутствовать бытийствующий объектив. И если теория предметов связывает себя с так-бытием, которое само по себе бытием не обладает, тогда, за исключением каких-то особых случаев, она не может называть себя теорией. Конечно, основной принцип может быть также сформулирован следующим образом: независимость от бытия, которую признает теория предметов, относится только к ее объектам, а не к (определенным) объективам. Но откуда берется такое неравное отношение? Более того, или, возможно, прежде всего: абсурден тот или иной предмет по своей природе, имеется ли он только в наличии или может также существовать? Все такого рода вопросы действительно входят в сферу интересов теории предметов. Наконец, они являются вопросами о самом бытии. Итак, говоря короче: даже такая мера, как сужение границ так-бытия, не может соответствовать подлинной сущности теории предметов.

[...] Если мы будем четко проводить различие между априорным и эмпирическим, то у нас не возникнет особых проблем с тем, чтобы провести устраивающее всех различие между этими двумя дисциплинами. То, что может быть познано исходя из природы предмета, т.е. априори, относится к теории предметов. Прежде всего это, конечно, касается так-бытия «данного». Однако также это касается и его бытия, поскольку последнее в свою очередь познается из так-бытия этого предмета. И напротив, то, что можно установить о предмете лишь апостериорно, относится к метафизике при том условии, что такое познание имеет достаточно всеобщий характер. Тот факт, что границы области действительного (в связи с тем, что познание позитивно по своей природе) не будут нарушены, гарантируется апостериорным характером этого знания. Вследствие этого мы можем сказать, что имеются две всеобщие науки: априорная наука, которая занимается всем, что является данным, и апостериорная, которая включает в свое исследование все, что может быть предметом эмпирического познания, а именно – действительность. Под последней наукой подразумевается метафизика, а под первой – теория предметов.

[...] Чтобы рассматривать теорию предметов в качестве философской дисциплины, нам более не нужно пересматривать наше понима-

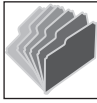

ние философии, как мы это делали в отношении другой универсальной науки. Если я могу (наряду с физикой и психологией) причислять метафизику к философским дисциплинам, так как она широко понимает свои задачи, тогда ничто не мешает на этом же основании называть и теорию предметов философской дисциплиной. Ко всему данному, с тотальностью которого она имеет дело, относится и все психическое, уже не говоря о том, что все физические и идеальные предметы также включены в эту область и изучаются этой теорией. Вне зависимости от этого положения можно сказать, что в связке с идеальными, которые по своей природе всегда являются предметами первого порядка (Superius), рассмотрению могут подлежать и психические предметы, которые вследствие этого будут непременно являться предметами второго порядка (Inferiora).

Естественно, я не сомневаюсь в том, что продемонстрированное нами сохраняющееся сходство между теорией предметов и метафизикой сохраняется и в других важных областях применения этих наук, которые являются скорее практическими, нежели теоретическими. Исходя из того факта, что метафизика связана с психическим, но не только с психическим, а также и с физическим, я сделал вывод, что и представитель психологических наук, и представитель физических наук могут равным образом иметь допуск (или даже призвание) к решению метафизических проблем. Теперь мне кажется, что нам не остается ничего, как сказать то же самое относительно теории предметов. Действительно, поскольку исследовательские техники связаны, то те, что применяются в научном изучении психических переживаний, могут иметь некоторое влияние и на теорию предметов, равно как и на метафизику. Как мы знаем, теория предметов вполне может с невероятной легкостью впасть в психологизм. А этот факт слишком красноречиво говорит сам за себя и поэтому вряд ли может быть неправильно понят. Но это лишь рассуждения об исследовательских техниках. На основе того, что я уже говорил, невозможно не понять тот факт, что в результате определенных обстоятельств любая техника, заимствованная из другой науки, может стать поводом пересмотреть наши воззрения. Поскольку математика может рассматриваться в качестве специальной теории предметов, было бы неблагодарно забывать о том, к каким выдающимся результатам привело ее исследование в рамках теории предметов, хотя эти достижения шли в ущерб другим ее философским интересам.

§ 12. Заключение

Если предыдущее изложение хотя бы в общих чертах показало сущность и право на существование такой особой науки, как «теория предметов», равно как и ее положение среди остальных наук, то сей-

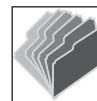
час пришло время подробнее рассказать о задачах и методах этой новой науки. Однако, с одной стороны, самое важное из этих замечаний уже было высказано: раз известно, чем занимается эта наука, следовательно, и круг ее задач в целом очерчен. В частности, это справедливо в том случае, если выявлен априорный характер этой науки. А из этого замечания в свою очередь можно выделить главное и о ее методе. Однако, с другой стороны, как известно, планирование является «претенциозным и тщеславным умственным занятием»³⁷. А показывать другим путь, по которому еще сам не начал идти, является, пожалуй, еще более ужасным занятием. Поэтому надеюсь, что мой рассказ об этой науке станет подтверждением серьезности моих занятий ею и исключит возможные упреки, например, в том, что я только намечаю проекты и никогда не прикладываю руку к их осуществлению (в таком случае остальные работы этого сборника не заслуживали бы вашего внимания). Сколь много требуется для того, чтобы быть Прометеем, а не Эпиметеем, так что я, абсолютно не желая лишний раз хвалиться перед вами, замечу, что мои научные изыскания годами и даже десятилетиями находились под влиянием моего интереса к теории предметов, хотя я также не понимал истинную природу этих интересов. Тот факт, что эта природа впервые раскрылась для меня в практической, а уж затем (я уже сам точно не помню когда) в теоретической сфере³⁸, предоставляет мне еще один аргумент в пользу справедливости указанных выше притязаний, сделанных от имени теории предметов (этот аргумент сложно назвать строгим с формальной точки зрения, но его силу совершенно точно не стоит недооценивать). Эти притязания скорее представляются мне как взгляд в прошлое, нежели в будущее. Если бы мне представилась возможность убедить себя и остальных в том, насколько плодотворным может быть подход теории предметов в отношении как старых, так и неисчислимых новых проблем, я бы сказал, что любая попытка снискать признание для такого подхода путем демонстрации его своеобразия никоим образом не может быть названа преждевременной.

Все же появление этого сочинения в рамках настоящего собрания исследований имеет особую причину. Неизбежно исследованиям в рамках теории предметов должно уделяться внимание в том окружении, в котором они впервые заслужили похвалу. Таким образом, нам показалось разумным разместить два таких исследования³⁹ в начале

³⁷ Кант И. Пролегомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // И. Кант. Собр. соч. Т. 4. Ч. 1. М., 1965. (Прим. перев.)

³⁸ Во всяком случае это было задолго до 1903 г., когда мне впервые представилась возможность упомянуть теорию предметов в таком ее выражении. Ср.: Bemerkungen über den Farbenkörper etc. Там же. S. 3 и далее.

³⁹ Майнонг имеет в виду следующие две работы: «Об основаниях теории предметов» Рудольфа Амеседера и «Исследования по теории предметов измерения» Эрнста Малли. (Прим. перев.)

этого сборника. А в других работах, также вошедших в него, содержатся свидетельства пользы самой теории предметов, равно как и ее практического и теоретического знания для психологического исследования. С учетом этого мне показалось вполне логичным упомянуть «теорию предметов» уже в названии всего сборника, а также прояснить то, что под ней понимается, так как это позволит лучше понять две означенные работы. Таким образом, даже то, что было уже сказано в настоящей работе о новой науке, было представлено вовсе не в виде какой-то прекрасной мечты о будущем или утопии, а в виде цели, которую мы должны по возможности отчетливо держать перед глазами и для достижения которой мы уже пустили в ход наши лучшие силы.

[...] После всего я вряд ли навлеку на себя упреки в неправильно проделанной подготовительной работе, оказавшейся на самом деле полезной для теории предметов по разным причинам, если я все же скажу, что теория предметов – молодая и даже очень молодая наука. Тот, кто вступает в поле ее исследований, ощущает, сколь много остается проблем и сколь много существует их решений. Однако даже после самых тщательных размышлений он вряд ли может надеяться, что его решение окажется верным. Даже более того, он должен понимать, что решение, которое, по его мнению, он принял верно, в будущем может стать жертвой прогресса в знании и развитых исследовательских техник. [...]

Резюмируя сказанное выше, я хочу сказать, что мною была сделана попытка доказать, что теория предметов имеет право быть самостоятельной наукой. Два последующих за этой работой сочинения (а вместе с ними и другие работы настоящего сборника) написаны с целью внести свой вклад в эту науку. В этом отношении и в таких обстоятельствах вряд ли стоит ожидать некой завершенности и неоспоримости высказываемых в них суждений. Было бы хорошо, если бы мы могли с успехом высказывать свои соображения или критиковать эти новые учения, которые так стараются утвердиться. Таким образом мы могли бы показать, что выбранный нами путь достоин того, чтобы им следовать, и что тот, кто решится на это, преуспеет. Остается надеяться, что все, что мы вам здесь предлагаем, принесет новой науке теории предметов новых друзей и признание.

Перевод с немецкого В.В. Селивёрстова